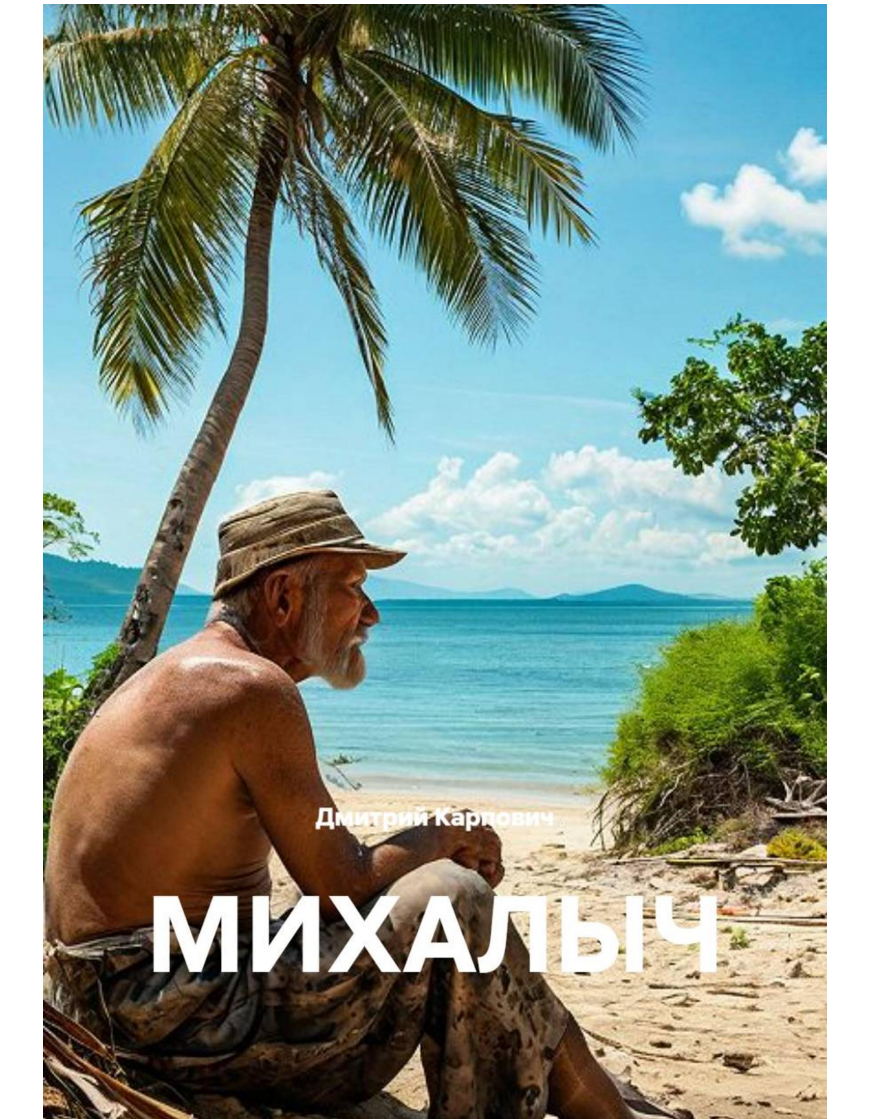

A photograph of an elderly man with a white beard and a wide-brimmed hat, sitting on a sandy beach. He is shirtless and looking out towards a blue ocean under a clear sky with scattered clouds. A large palm tree stands behind him to the left, and some green foliage is on the right. The scene is bright and sunny.

Дмитрий Карпович

МИХАЛЫЧ

Дмитрий Карпович
МИХАЛЫЧ

<https://litres.ru/74312752>

SelfPub; 2026

Аннотация

**ФИЛОСОФСКИЙ РАССКАЗ О РУССКОМ ПЕНСИОНЕРЕ
МВД УМИРАЮЩЕМ В НИЩЕТЕ И ОДИНОЧЕСТВЕ НА
ЧУЖБИНЕ.**

Дмитрий Карпович МИХАЛЫЧ

МИХАЛЫЧ

РАССКАЗ

Запутал, не знаю где...

Чудо чудное глядел:

По холодной, по воде,

В грязном рубище

Через реку, через миг

Брёл, как посуху, старик —

То ли в прошлом его лик,

То ли в будущем...

А. Розенбаум

Море...

Обожаю море. На нём астма, заработанная мною ещё лет тридцать назад, будучи старшим лейтенантом милиции, при прохождении службы в суровом сибирском климате, и как плесень, окутавшая мои бронхи, будто бы отмокает, расслабляется, словно отпускает, позволяя мне дышать полной грудью, наслаждаться солёным, морским и влажным воздухом.

В прочем остальной мой организм тоже не отстаёт от бронхов и всё также отмокает в солёной морской воде, расслабляется и ежедневно пьянеет под палящими лучами,

нежась на песчаном тайландском побережье.

Уже к обеду, награвшись на пляже, я спешу в местный магазинчик «Севен элевон» и затариваюсь охлаждённым пивом, которое утоляет жажду лучше, чем любые другие прохладительные напитки.

В отпуск на море мы с супругой ездим ежегодно и всегда в июле, лет так эдак уже пятнадцать, и даже во время ковида, мы не изменили своей привычке за тем лишь исключением, что посетили не пляжи юго-восточной Азии, по причине их закрытия, а наше черноморское побережье.

В Таиланде июль считается не самым пляжным сезоном, так как над материком висают сопливые муссоны, да и волна крупная, мешающая многим туристам осуществлять заплывы в лоно морской пучины.

Я же не пловец.

Окунуться в водоворот волн, подпрыгивая на них, как ковбой на дикой кобыле, нахлебаться противной на вкус солёной воды и лежать, как тюлень на горячем песке или лежаке, загорев к концу отпуска, так как выглядит заурядный афроамериканец — вот мой предел счастья. Много ли нужно среднестатистическому пенсионеру МВД?

Зато в июле на Пхукете народу поменьше. Так, по крайней мере, говорит наш туристический оператор, ежегодно отправляющий нас на край земли. Да и мы из сибирского зноя летим в тайландскую жару и переносим это природный апокалипсис намного легче, нежели зимой из мороза и сразу

в пекло.

В прочем, на вкус и цвет товарищей, как говорится, нет, да и «колхоз» — дело сугубо добровольное. Нравится нам отдыхать на море в июле и не зачем менять эту уже добрую и пьяную традицию.

В этом году отпускной обряд был соблюден в точности и аккуратности до мельчайших подробностей: Пхукет, пятёрочный отель на первой линии и море моря.

С погодой даже повезло. За все десять дней всего лишь один дождик, да и тот с утра. А тучки, покрывшие «узкоглазые небеса», даже напротив — дали возможность понежиться на тёплом песке гораздо лучше, чем под палящим солнцем.

На третий день отдыха, ближе к обеду, захомутав очередную порцию солнечных лучей и противной на вкус морской воды, проникающей в мой организм через не запертые щели раскрытого от наслаждения рта и носовые «сопла» при купании, я вознамерился совершить уже обычный манёвр от пляжа к местному гастроному, дабы уже к обеду испытать полное наслаждение от морской пучины, солнца, песка и местного пива, вливаемого в мой организм в том же количестве, что и солнечные лучи в виде загара.

Путь был близкий, ибо всё в этой азиатской стране сделано ради туриста и его «хотелок».

Обмыв ноги от песка водичкой из краника, стоящего перед выходом с пляжа, я обратил внимание на бородатого ста-

ричка, ютившегося на куске картона, рядом с пешеходной дорожкой под пальмой, прямо напротив входа в магазинчик.

Я видел его и вчера и позавчера, когда приходил за очередной порцией прохладительных напитков, но вот особого внимания не обращал.

Ну сидит и сидит старик под пальмой, да и пусть себе сидит. Просит милостыню и просит. Тут таких много. Под каждым забором.

За некоторыми даже забавно наблюдать, когда они, насобирав «дани» с прохожих и туристов, «накидавшись» местного дешёвого тайского рома, начинают ругаться между собой на здешнем наречии. И вот ведь что интересно, матюги — они и в Африке матюги.

Ты не понимаешь, о чём говорят местные. Но как только они начинают ругаться между собой — даже переводчик не нужен. Всё ясно и понятно. Даже хочется иногда встрять и добавить красных словечек из родного лексикона. Однако, порядок соблюдать обязательно. Особенно нетрезвому туристу.

Старику было лет семьдесят. В лежачем и скрюченном состоянии мне сложно было определить его рост, но он был явно выше обычных тайцев. Худошавый, загорелый так, будто помазанный темно-коричневой краской с ног до головы.

Волосы редкие, седые, коротко стрижены, разбросаны по всей голове в хаотичном порядке. Белая борода. Неухоженная. На голом торсе были еле видны какие-то татуировки на

груди и плечах.

Я сильно и не присматривался к нему, скользнув бегло параз раз взглядом по молчаливому попрошайке.

Он был не местный, европеец... Здесь и таких хватает.

На третий день, дефилируя мимо него в магазин и случайно бросив свой торопливый взгляд, я каким-то чутьём, сравнимым, наверное, с чуйкой собаки, сразу понял — наш, русский.

Рыбак рыбака видит издалека.

Однако, он оказался не просто русским, да и не его идеальный загар привлёк моё внимание.

Сегодня он не сидел в скрюченном состоянии, поджав ноги под худые плечи, глядя молча в пластмассовый стаканчик, наполовину наполненный тайской «мелочёвкой».

Он лежал в согнутом положении поджав ноги под грудь так, что из-под «покрывала» виднелись только его желтые пятки с одной стороны и седая голова с полуприкрытыми глазами с другой.

Казалось, что он не спал, но и не бодрствовал — был где-то посередине, где время идёт совсем по-другому — аккуратно, медленно.

Я и не обратил бы внимание на него, торопясь за очередной порцией «пиваса», но «покрывало» накинутое на его тело просто заставило меня впиться глазами в лежащего человека.

Его торс накрывал старый, помятый милицейский китель

мышинного цвета с погонями майора милиции и выцветшими петлицами некогда красного цвета, со светло-жёлтыми железными гербами ещё Советского Союза.

Я посмотрел пристально на китель, перевёл взгляд на старика, нахмурил брови и прошёл в магазин.

Закупая пиво, я не переставал смотреть через витрину на форменное обмундирование, накинутое на плечи бомжа.

Ещё со школы милиции в наше подсознание слушателей и курсантов медленно, но верно втиралась, как мазь от синяков, информация о том, что форма милиционера — это его лицо. Она должна быть чистой, выглаженной, подогнанной по фигуре, невзирая на рост, возраст и телосложение.

Видеть грязный, смятый китель, да ещё старого советского образца с гербами и звёздами, накинутый на торс какого-то грязного получеловека — мне было невыносимо.

Не отрывая взгляда от старичка, я подошёл к нему вплотную и решил купить у него его «накидку», дабы не позорить символ того, что ещё пару десятков лет назад сам носил с честью и гордостью.

В руке у меня был пакет с тремя бутылками пива, побрякивавшими друг о друга, как маленькие колокола.

Я умышленно пошевелил пакетом посильнее, так, чтобы стекло начало свой легонький перезвон, в надежде привлечь внимание бомжа.

Мне это удалось.

Старик приоткрыл глаза по шире, поднял голову и не

торопясь повернулся ко мне всем корпусом. Складывалось впечатление, что шея у него давно не поворачивалась отдельно от плеч.

— Русский? — спросил я мужичка. — Продай китель. Давай я тебе другую одежду куплю, а ты мне эту отдашь.

Я достал из кармана пару сотенных купюр «местного разлива» и протянул мужичку.

Повисла пауза. Как будто время остановилось и даже жара исчезла вокруг нас двоих.

Он не ответил сразу. Медленно достал из кармана кителя носовой платок — льняной, застиранный, но чистый и с аккуратными складками. Промокнул им уголки глаз. Жест был привычный и короткий. Будто делал это каждый день. А может, и делал. Я же не знал его до этого дня.

Старик посмотрел на меня, перевёл взгляд на мою руку с зажатыми деньгами, покачал головой в знак отрицания, и ответил всё так же не спеша:

— Не могу продать, это всё, что у меня осталось от формы.

Голос у него был неожиданно мягкий, чуть ниже среднего — из тех голосов, которые хочется слушать, а потом соглашаться.

Не смотря на жару, на его тело была надета рубашка с длинным рукавом, которая была застегнута на все пуговицы. Его морозило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.